

E.N. Moiseeva
Travel Literature in the Colonial
Period as a Sociocultural
Phenomenon (the Image
of Polynesia in the Novels
of Pierre Loti)

The travel is studied as a historical and cultural phenomenon. Features of the colonial variant of intercultural interaction between civilizations are identified. The set of problems associated with the processes of translation of cultures in colonial times is considered.

Key words and word-combinations: travel, Pierre Loti, the image of a "foreign" culture, Polynesia.

Исследуется путешествие как историко-культурный феномен. Выявляются особенности колониального варианта межкультурного взаимодействия цивилизаций. Рассматривается комплекс проблем, связанных с процессами трансляции культур в колониальное время.

Ключевые слова и словосочетания: путешествие, Пьер Лоти, образ «чужой» культуры, Полинезия.

УДК 821(93/96)
ББК 83.3(85)

Е.Н. Моисеева

ЛИТЕРАТУРА
О ПУТЕШЕСТВИЯХ
В КОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН
(ОБРАЗ ПОЛИНЕЗИИ
В РОМАНАХ ПЬЕРА ЛОТИ)

Изучение литературы путешествий сегодня — одно из актуальных направлений гуманитарных исследований. Об этом свидетельствует тот факт, что почти одновременно во Франции и в России прошли конференции, объединенные данной общей темой. [1, 2, 3]. Докладчики изучали, по преимуществу, произведения, посвященные реальным путешествиям (так называемые травелоги, *gîcits de voyage*), но написанные в разных странах и эпохах (от Античности до наших дней).

Путешествие как историко-культурный феномен заслуживает того, чтобы быть рассмотренным с самых разных точек зрения. Редакция журнала «Одиссей» в качестве сквозной темы исследования в 2010 г. выбрала тему путешествия и его роли во всех сферах жизни [4]. Исследование феномена путешествий вписывается в более широкую проблему изучения представлений о «чужой» культуре, феномена «Иного». В отечественной историографии растет интерес к вопросам, связанным с взаимовлиянием восточной и западной культур, диалогом цивилизаций [5, 6].

Нами была исследована литература путешествий (важная составляющая французского имперского дискурса), созданная во Франции в последней трети XIX вв. В этот период Франция встала на путь активной колониальной экспансии. Литература путешествий

указанного периода позволяет выявить особенности колониального варианта межкультурного взаимодействия цивилизаций и всего комплекса проблем, связанных с процессами трансляции культур в это время. Имперский дискурс во Франции формировал политическую реальность конца XIX вв., в том числе расовые стереотипы и связанные с ними модели поведения. По мнению А.Э. Афанасьевой, исследовавшей британские травелоги, «в викторианскую эпоху литература путешествий превратилась в важнейшее поле обсуждения и распространения главных идей имперского проекта» [6, с. 107]. Аналогичная ситуация сложилась, и во Франции.

Литература о путешествиях, написанная в период экспансии во Франции, была довольно разнообразна. Это путевые заметки, репортажи, туристическая литература, научные и научно-популярные труды, художественные произведения.

В данной статье исследуются произведения. Имя французского писателя П. Лоти сейчас практически забыто, а романы не являются шедеврами, однако в конце XIX вв. это был один из самых читаемых французских авторов. Его взгляды и представления становились взглядами и представлениями читателей. Наиболее интересны особенности восприятия П. Лоти Полинезии — одной из самых удаленных от Европы территорий, ее жителей, их традиций, внешнего вид [7, с. 98—111; 8, с. 15—27]. Лоти пытался предстать перед своими читателями объективным наблюдателем. Однако он принадлежал к определенной культурной традиции и путешествовал с уже сформировавшимися на родине стереотипами, например о превосходстве Запада над Востоком. Столкнувшись в колониях с чужой культурой, иным мировоззрением, Лоти встал перед проблемой познания «Другого». Как можно питаться и одеваться таким странным образом? Как можно не верить в Единого Бога? Он пытался ответить на эти и другие вопросы в своих произведениях и тем самым познакомить соотечественников с результатами собственных размышлений, представлениями о Чужом Мире.

Лоти начал свою литературную карьеру в 70—80 гг. XIX в. Его «романы утоляли потребность общества в экзотике, мечте о дальних странах» [9, р. 30] и пользовались большой популярностью у публики. Пьер Лоти (1850—1923) (настоящее имя Луи Мари Жюльен Вио) родился в Рошфоре — приморском городке на западе Франции. Биограф П. Лоти Н. Сербан писал, что с самого детства Жюльен познал «ностальгию по далеким странам» [10, р. 15]. Лоти выбрал для себя карьеру морского офицера, позволившую ему путешествовать по миру, и карьеру журналиста. Но настоящую популярность он приобрел благодаря своим романам, которые, по сути, являлись повествованиями о реальных путешествиях писателя, поэтому их можно рассматривать не просто как литературное путешествие, но как травелоги, которые в основе своей документальны [11].

Наиболее популярная часть литературного наследия Лоти — романы, повествующие о любовных приключениях европейца в различных уголках земного шара и рисующие жизнь французских моряков и солдат колониальных войск. Среди них «Азиаде» (1879), «Брак Лоти — Рараю» (1880), «Роман одного спаги» (1881), «Три дамы из Казбаха» (1882), «Госпожа Хризантема» (1887).

Роман «Брак Лоти — Рараю» принес писателю настоящую славу. А имя Лоти (название таитянского цветка) — прозвище героя романа, которое тот получил от своей таитянской жены Рараю, стало псевдонимом Жюльена Вио. После публикации книги «Брак Лоти — Рараю» появились конфеты под названием «Лоти» и ленточки для волос «Рараю» [12, р. 11]. Французские исследователи считают произведения Лоти «экзотическими романами». Р. Лебель называл Лоти «самым большим представителем французского экзотизма в конце XIX — начале XX вв.» [13, р. 71]. Для Ж. Лемэтр он был «королем экзотизма» [14, р. 100]. По мнению С. Лафон, экзотические романы Лоти имеют туристическую направленность [15, р. 30], хотя сам Лоти, не раз высказывался (особенно в своих путевых заметках («Галилея» и др.) против туристического бизнеса, начавшего завоевывать Восток [16, р. 126]. В этом сказалось его желание быть единственным, кому открылась бы иная культура.

В романах Лоти описания природы, сведения о быте, традициях туземцев, их внешнем облике преобладают над сюжетной канвой. Экзотика колониального мира в произведении «Брак Лоти — Рараю» проявлялась в живописном описании Лоти первобытной природы Полинезии, не испорченной вмешательством цивилизации. Прелесть Полинезии была не только в том, что там все словно создано для чувственных наслаждений путешественников, но прежде всего в ее величественности. Природа и климат Таити в западном воображении ассоциировались, пожалуй, только с природой и климатом рая. Там нет ни ядовитых змей или растений, «совсем как в сказочных заколдованных садах» [17, с. 117]. В то же время красоту этого края, по мнению Лоти, не могли оценить европейцы. «В европейских странах ничто не может дать понятия о пейзажах Полинезии. Эта роскошь природы и эта грусть были созданы для других людей» [17, с. 194].

Больше чем природа, поразили писателя люди, населяющие Полинезию, особенно их физический вид. Удивлял европейцев цвет кожи, и само лицо аборигенов. Лоти писал, что к «оригинальным» лицам полинезийцев нужно «привыкнуть, чтобы находить в них прелесть». Эту прелесть он называл «дикой», тем не менее она «очаровывала... вопреки всем условным понятиям о красоте, признанным европейскими народами». Лоти считал расу Маорийских островов «за одну из самых красивых рас на свете», несмотря на то, что лица полинезийских женщин, по словам Лоти, были «грубые, точно вырубленные топором». Особенно поражали Лоти «экзотические глаза» таитянок [17, с. 3, 80]. Лоти считал, что европейцы не могут по достоинству оценить красоту людей, живущих за тысячи километров от Европы. Однако себя он считал способным на это, подчеркивая свою исключительность перед остальными европейцами.

Описывая моральный облик туземцев разных регионов планеты, их быт и нравы, Лоти прибегал к разным оценкам. За аксиому принималось положение об отсталости неевропейских народов. Как представитель европейской цивилизации Лоти воспринял многие мифы, сложившиеся в западной культуре, среди них — о народах-детях, народах без истории. Софи Дюлук, например, обратила внимание, что путешествие по Африке представлено как путешествие во време-

ни [18, р. 34]. Лоти, описывая Полинезию, также давал читателям понять, что европейцы — это высшая раса — «взрослые» народы, а все остальные являются народами-детьми, на различных стадиях эволюции. «Своим характером таитяне очень похожи на маленьких детей... Они капризны, своенравны, часто без всякой причины вспыльчивы. Но они всегда глубоко честны и гостеприимны» [17, р. 37]. Писатель называл таитян «взрослыми детьми», «славными маленькими дикарями», а таитянское племя «забытым островком первобытной расы» [17, с. 37, 103—104]. Таитянские картины жизни были для Лоти «живописными», «оригинальными», «примитивными, как сцены из жизни первых веков существования мира» [17, с. 102].

Все в колониальном мире было для европейца, по меньшей мере, странным. Традиции полинезийцев представлялись устаревшими. Самые экзотические страницы романов Лоти повествовали о «странных» обычаях, музыке, танцах туземцев. Из-за «пропасти» между двумя мирами, о которой постоянно писал Лоти, понять эти традиции европейцу не представлялось возможным. Удивляло автора и чрезмерное суеверие «примитивных» народов, их страх перед призраками, даже язык маори был наполнен «мистическими словами» [17, с. 25]. Не менее необычной была для европейцев «первобытная» музыка туземцев: «Пение Рараю приводило Лоти в восторг... Она подражала пению птиц, то пронзительному, то нежному, как пение жаворонка» [17, с. 61, 98]. «Туманный и дикий смысл» их песен «был бы чужд и непонятен для европейца, если бы ему вздумали их передать». Но сам Лоти, зная язык маори, «находил в этих песнях своеобразную прелесть, полную грусти» [17, с. 99]. Еще более непристойными, чем песни, были для Лоти туземные танцы, которые не были подвластны никаким запретам белых властей. Таитянки доводили себя в танце «до иступления» и старались превзойти друг друга «в бесстыдстве и неистовстве» [17, с. 107]. Лоти называл эти «сладострастные» танцы «древними сатурналиями», находил в них «очарование» ушедших веков. Только в тропической обстановке могли, по мнению Лоти, существовать такие танцы и такое пение. Перенесенные же в другое место они потеряли бы всякое значение. Лоти подчеркивал различие рас и был убежден, что никакая сила не могла разрушить «непроницаемую стену», разделявшую расы.

В романе «Брак Лоти — Рараю» автор показывал Таити беззаботным краем на Земле, где «труд вещь совершенно неизвестная». Таитян Лоти изобразил ленивым и беззаботным народом. «Леса сами производят все, что нужно для этих беспечных людей... годы проходят у таитян в абсолютной праздности и непрерывных мечтаниях» [17, с. 37, 38]. Он сравнивал Таити с Европой, где людям приходилось тяжело трудиться, чтобы выжить. На островах же «каждому хватает места и на солнце, и в тени, и в воде» и отсутствует «борьба за существование» [17, с. 157]. «Ленивые таитянки» проводили время, купаясь в ручье и нежась под солнцем. Даже на путешествие вглубь острова они не решались, так как лень пересиливала любопытство. Даже описывая таитянские пиры, на которых были и рыба, и крабы, и жареные поросята, Лоти не задумывался, что это плоды труда жителей острова. Кроме лени таитянам приписыва-

лась другая черта характера — жестокость в человеческих отношениях. Лоти описал в романе практику людоедства [17, с. 11].

С точки зрения Лоти, все «примитивные» народы рано или поздно исчезнут под натиском цивилизованных. Запад нес с собой разрушение старого патриархального мира, на Таити «нет других опасных животных, кроме колонистов из Европы» [17, с. 101]. Сближение с цивилизованными расами не оставляло туземцам шансов на выживание. Лоти считал это угасание неизбежным и с грустью писал об этом. «Будущее столетие, вероятно, уже не застанет их в живых» [17, с. 103]. Интересно, что сами туземцы в романах Лоти признавали собственную отсталость по сравнению с белыми людьми и свою скорую гибель. Королева острова Таити видела, «что ее чудная страна обратилась в притон разврата» и королевство «под влиянием цивилизации приходило в упадок» [17, с. 128]. Главная героиня романа — Рараю была для Лоти олицетворением полинезийской расы, она в итоге погибла от «пороков» западной цивилизации — чахотки и пьянства.

Маорийская раса островов Тихого океана в целом вызывала симпатию у Лоти. Идеализация «примитивной», «дикой» жизни была для него характерна. Картина существования «примитивных» народов в романе Лоти «Брак Лоти — Рараю» отмечена рядом серьезных упрощений. Писатель постоянно подчеркивал, что европеец не может понять и оценить чужую культуру, но в то же время в своих произведениях он позволял себе судить о традициях и нравах туземцев с позиции представителя «высшей расы»: он писал об их врожденной лени, неискоренимом суеверии, детском характере и природной развращенности. Подобный взгляд на туземцев как на ленивых, беззаботных простаков станет в дальнейшем обыденным представлением европейцев, проникнет во все туристические заметки и превратится в клише. Очевидно, что из романов Лоти публика черпала информацию о жизни и быте полинезийских народов, утоляла свою потребность в экзотике. Лоти своими романами-травелогами открыл простым людям мир дальних стран. Для историка романы Лоти — это важный источник, позволяющий увидеть, как посредством художественного слова во французское общество проникали стереотипы и мифы о культуре заморских стран.

Образ «Чужого», расовые стереотипы, созданные европейцами, зачастую реальны и сегодня, а дискриминирующие представления об эмигрантах — результат имперского наследия и связанного с ним имперского дискурса. Вот почему без системного анализа имперского дискурса, в том числе и литературы о путешествиях, невозможно составить представление не только об интеллектуальном климате прошедшей эпохи, но и понять современные социально-политические процессы, связанные с адаптацией эмигрантов — выходцев из бывших колоний в современной Франции.

Библиографический список

1. Le roman de voyage. URL: http://www.fabula.org/actualites/le-roman-du-voyage_60224.php
2. Феноменология истории и антропология путешествия. URL: http://phil.spbu.ru/rabochaya/raznoe/copy_of____.pdf
3. Литература путешествий в свете компаративистики. URL: [www.imli.ru/PDF/ Programme-oct-Rus%20\(2\).pdf](http://www.imli.ru/PDF/Programme-oct-Rus%20(2).pdf)

4. Одиссей: человек в истории // Путешествие как историко-культурный феномен / гл. ред А.О. Чубарьян, сост. С.И. Лучицкая; Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2009.
5. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
6. Афанасьева А.В. Наука, литература и империя: африканские травелоги британцев в 1850-х – 1870-х годов // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2013. № 39. С. 106–123.
7. Моисеева Е.Н. Взгляд европейца на колониальную войну: Французский писатель Пьер Лоти об экспедиции в Индокитай (1883) // Новая и новейшая история: межвузовский сб. науч. трудов. Саратов, 2007. Вып. 22.
8. Моисеева Е.Н. Гендерные образы в романе Пьера Лоти «Азиаде»: имперская любовь и дружба // Турция – Россия – Ближний Восток: история, культура, политика: мат-лы науч. конф. Саратов, 2010.
9. Keith G., Millward M.A. L'Oeuvre de P. Loti et l'esprit «fin de siècle». Paris, 1955.
10. Serban N. P. Loti. Sa vie-son oeuvre. Paris, 1924.
11. Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html>.
12. Buisine A. Tombeau de Loti. Lille, 1988.
13. Lebel R. Histoire de la littérature coloniale en France. Paris, 1931.
14. Lemaitre J. Les Contemporains. Etudes et portraits littéraires: troisième série. Paris, 1887.
15. Lafont S. Supremes clichés de Loti. Presse Universitaire de Mirail, 1993.
16. Loti P. La Galilée (29ème éd.) / par Pierre Loti. Paris, 1896.
17. Лоту П. Брак Лоти – Параю // Собр. соч. М., 1910. Т. VII.
18. Dulucq S. «Découvrir l'âme africaine» Les temps obscurs du tourisme culturel en Afrique coloniale française (années 1920 – années 1950) // Cahiers d'études africaines. 2009. q 1. P. 27–48.